

ЕЩЕ в 1859 году по желанию редактора «Русского художественного листка» В. Ф. Тимма был передан в рукописный отдел Публичной библиотеки автограф «Автобиографии» И. А. Гончарова, напечатанный годом раньше с небольшими изменениями и сокращениями в журнале. Это положило начало Гончаровскому фонду Публичной библиотеки.

Самый крупный вклад был сделан в 1888 году благодаря стараниям В. В. Стасова, который «изъявил категорическое желание получить рукописи Гончарова на хранение в Публичную библиотеку». В письме к Стасову от 28 октября 1888 года Гончаров согласился передать рукописи, но отметил, что старая рукопись «не то ли же самое, что изношенное платье». Другое дело рукописи Крылова, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова. К своим рукописям Гончаров присоединил фотопортрет с дарственной надписью Публичной библиотеке. Гордостью фонда стал черновой автограф романа «Обломов», занимающий более 400 страниц, испещренных зачеркиваниями, исправлениями, вставками, конспектами на полях. Эта единственная рукопись романа «Обломов» — не только ценная реликвия, но и важнейший источник точной публикации романа, изучения его творческой истории.

В ближайшее время, нынешней осенью, в «Литературных памятниках», выходящих под руководством академика Д. С. Лихачева, увидит свет новое издание «Обломова» (ответственный редактор Б. Ф. Егоров). Оно необычно: кроме выверенного основного текста романа, здесь дается 8 печатных листов интересных первоначальных вариантов, воспроизведенных по названной рукописи. Весь этот труд выполнен Л. С. Гейро, посвятившей изучению творчества И. А. Гончарова более двух десятилетий.

Уже на первой странице рукописи мы находим конспект Гончарова: «Его (Обломова) будят записками от приятелей, то от женщины, которая его любит, наконец, дворник приходит понуждать его съехать с квартиры, потом он вспоминает о письме старости. Он всякий раз хочет встать и все лежит, волнуясь однако же, что много дела»...

Таких конспектов, написанных на полях, обгоняющих развернутый художественный текст, в автографе очень много. Интерес представляет и зачеркнутое Гончаровым рассуждение по поводу обломовщины (речь идет о словах Штольца):

«Обломовщина! Звучало у него в ушах. Утром он читал их на своих брошенных в угол книгах, на пыльных стенах и занавесах, на шатком столе, изношенном халате, на шуплом лице Захара. Ночью они огнем горели в его воображении, напоминая о пройденной половине жизни и угрожая перспективой тяжелого пустого существования, без горя, без радости, без дела, без отрадного отдыха, без цели, без жела-

ния... Прежде он бился, стараясь определить пройденную половину, и не знал имени ей, теперь Штольц назвал ее: Обломовщина — таким же длинным неуклюжим словом, как и сама эта жизнь». В первоначальном замысле романа Илья Ильич открыл Штольцу тайну своей любви и написал ему письмо, впоследствии полностью вычеркнутое Гончаровым

ИСПОЛНИЛОСЬ 175 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ГОНЧАРОВА

Автографы, конспекты, черновики

Имя создателя «Обломова», «Обрыва» и «Обыкновенной истории» уважаемо и любимо каждым ценителем российской словесности. Сегодня об автографах писателя, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, о новых фактах и готовящихся публикациях, связанных с его творчеством и биографией, мы попросили рассказать старшего научного сотрудника ГПБ доктора филологических наук Э. Э. НАЙДИЧА. Обращаем ваше внимание на то, что все цитаты из рукописей И. А. Гончарова публикуются впервые.

и потому оставшееся неизвестным читателям. Вот фрагменты из него:

«...Совестно сказать: мне тридцать семь лет — как я выговорю? Я влюблен, не могу, договорил сам... Договорил, ну, и я повторю: я влюблен, следовательно, цель твоя увенчана успехом. Ты не узнал бы теперь своего друга: во-первых, я живу на даче, в двенадцати верстах от города, у меня хорошенькая квартира, без пыли, вся в зелени, в цветах, я не в халате, а в элегантно пальто, письменный стол, этажерка завалена книгами... Я влюблен, следовательно, проснулся и воскрес... Понял ли ты, отчего я теперь не в Париже, а в окрестностях Петербурга. Но цель твоя достигнута, ты творец моего превращения, потому что я узнал ее через тебя... Однако я говорю она, ее, ей, о ней, а кто — не сказал. Да Ольга, боже мой, к которой ты привел меня весной вечером, а там оставил до ночи, а сам уехал. А я обезумел в этот вечер и на другой никогда и нигде так ясно не звучал мне твой слова «теперь или никогда»... Ольга — олицетворенная энергия, воля, любовь. Она то покорна (мне, т. е. любви своей) как пансионерка, то непреклонна и властолюбива, и притом естественна, проста, как... полевой цветок, кажется, только и умеет что ей указано природой: дышать теплым воздухом, питаться росой и окрашиваться лучами и скромно свертываться в сумрак, а иногда она ужасает меня глубиной ума, верностью и разумностью понимания... Но,

прошай, песок хрустит на дорожке: я слышу ее шаги по дорожке — и это она... она...».

Во многом по материалам Публичной библиотеки в «Литературных памятниках» впервые будет дан обширный комментарий к роману (3,5 печатных листа), где благодаря знакомству с неопубликованными письмами, воспоминаниями и другими материалами раскры-

Эти варианты также подготовлены к печати для названного тома «Литературного наследства».

В рукописном отделе ГПБ находится и автограф «Необыкновенной истории» — рукописи Гончарова, долго хранившейся в запечатанном конверте, где Гончаров с болезненной резкостью пишет о своем конфликте с И. С. Тургеневым, которому он рассказал сюжет «Обрыва». В «Литературном наследстве» впервые научно, объективно и подробно будут рассмотрены взаимоотношения двух великих русских писателей. Наиболее значительный вывод заключается в том, что в основе этого тяжелого конфликта имеются реальные основания.

И. А. Гончаров подарил библиотеке и свои воспоминания, они опубликованы, но ряд интересных мест остался непечатанным. Так, в мемуарах «В Университете» остаются неизвестными смелые фразы о свободе знания, о запрещенных лекциях профессора Давыдова:

«Может быть, с этих свобод знания, — пишет и зачеркивает Гончаров, — невольно зарождаются в юных умах параллели и других свобод, нередко не имеющих с наукой ничего общего». И далее: «никакая может быть вовсе запрещена, кафедра закрыта... но ограничение профессорского слова, духа и смысла его лекций было бы невозможно».

В 1986 году в «Литературных памятниках» изданы впервые отдельным изданием очерки путешествий И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» (издание подготовлено Т. И. Орнатской). Здесь помещено не только выдающееся художественное произведение Гончарова, но и его письма, как бы дополняющие книгу, среди них по автографам Публичной библиотеки письма А. А. Краевскому и К. Н. Григорьеву. Это произведение исследовал выдающийся ученый Б. М. Энгельгардт, погибший в 1942 году во время блокады. Его классическая статья о «Фрегате Паллада», содержащая новое слово о Гончарове, полностью перепечатана в «Литературных памятниках». Какова же была радость Т. И. Орнатской, обнаружившей в ИРЛИ, а также в частных руках (отрывок) обширную монографию Б. М. Энгельгардта, считавшуюся исчезнувшей; труд будет опубликован в гончаровском томе «Литературного наследства».

В заключение отметим роль Публичной библиотеки в формировании мемориально-литературного музея И. А. Гончарова на его родине в Ульяновске. Группа энтузиастов в конце 70-х годов организовала этот замечательный музей. Публичная библиотека предоставила ему фотокопии материалов, хранящихся в отделе рукописей. Это было значительной помощью в создании музея. В юбилейные дни Ульяновский мемориальный музей проводит Всесоюзную научную конференцию, посвященную жизни и творчеству И. А. Гончарова.

ты литературная полемика, отклики на газетные известия и иные сведения, помогающие полноценному восприятию «Обломова».

Большой интерес представляют и черновые автографы нескольких глав романа «Обрыв», хранящиеся в фонде И. А. Гончарова.

Творческая история этого романа, воспроизведение вариантов осуществлены в находящемся в производстве томе «Литературного наследства», посвященном И. А. Гончарову (редакторы С. А. Макашин, Л. С. Гейро).

Первоначально роман должен был называться «Художник» или просто «Райский», затем «Вера (посвящается русским женщинам)» с эпиграфом из Гейне, специально переведенным для Гончарова А. К. Толстым. Автограф «Обрыва» содержит исключенные из последней части исповедь бабушки и встречу Волохова и Веры. Но, пожалуй, самый интересный текст, вычеркнутый из последней части, — дневник Райского, где он размышляет о взаимоотношениях между художниками, их месте в обществе. С внутренней напряженностью (не называя имена) здесь передается трагедия Гончарова, связанная с предвосхищением (по его мнению) ряда ситуаций «Обрыва» в «Дворянском гнезде» Тургенева. Все это в автографе «Обрыва» изображено как тяжелое переживание Райского.